

А. П. КАЖДАН

ГРИГОРИЙ АНТИОХ

Жизнь и творчество одного чиновника

Светлой памяти Н. И. Новосадского

До недавнего времени имя византийского писателя XII в. Григория Антиоха было почти совершенно неизвестным, его сочинения оставались неизданными или неточно атрибутированными: К. Крумбахер упоминает лишь одно опубликованное сочинение Григория Антиоха, адресованное, по мнению издателя, С. Ламброса, Михаилу Хониату — в действительности же Николаю Айофеодориту; впрочем, Крумбахер знал также о существовании рукописных сборников, содержащих речи и письма нашего автора¹.

Постепенно, однако, сведения об этом писателе расширялись. В 1917 г. В. Регель опубликовал речь Антиоха, обращенную к Исааку II Ангелу². В 1940 г. Ф. Дэльгер и М. Бахман издали другую речь Антиоха — к Константину Ангелу, брату Исаака II, снабдив ее филологическим и реальным комментарием³. Прошло еще 20 лет, и П. Вирт установил, что Антиоху принадлежат две изданные Регелем речи, считавшиеся до тех пор анонимными⁴. Наконец, совсем недавно Ж. Даррузе составил список сочинений Антиоха, насчитывающий 35 номеров, попытался наметить основные линии жизненного пути этого писателя и издал еще три его произведения⁵.

Задолго до Дэльгера, Бахмана, Вирта и Даррузе над сочинениями Антиоха работал известный русский эллинист Н. И. Новосадский, списавший из Эскуриальской рукописи Y II 10 (далее Э) ряд речей и писем, которые он предполагал, по-видимому, издать вместе с Регелем в одном из очередных выпусков «Fontes rerum byzantinorum». Но Регель умер, обстоятельства изменились, и переписанные Новосадским сочинения

¹ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 472, 475. Ср. краткую заметку: Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 292.

² W. R e g e l. Fontes rerum byzantinorum. Petropoli, 1892—1917, f. 2, p. 300—304.

³ M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Die Rede des μέγας δρογγάριος Gregorios Antiochos auf den Sebastokrator Konstantinos Angelos. BZ, 40, 1940, S. 353—405.

⁴ P. W i r t h. Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jahrhunderts. München, 1960, S. 10—12. Ср. *ibid.*, S. 22 f.

⁵ J. D a r r o u z è s. Notice sur Grégoire Antiochos. REB, 20, 1962; *idem*. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. BS, 23—24, 1962—1963. Ср. рецензии: P. W i r t h. BZ, 56, 1963, 105—108, 339 f.

Антиоха оставались мертвым грузом в домашнем архиве, покуда вдова Новосадского не передала в сектор византиноведения Института истории АН СССР три общие тетради, содержащие 14 сочинений Антиоха, в том числе 11 неопубликованных, а именно:

- 1) Письмо игумену монастыря на острове Антигона (по Даррузе — № 6);
- 2) Утешительное слово к логофету [Михайлу] Айофеодориту (№ 7);
- 3) Монодию на смерть сына протосеваста [Алексея Комнина] (№ 8);
- 4) Слово к патриарху Василию Каматиру (№ 9);
- 5) Эпитафию Николаю Катафлорону (№ 10);
- 6) Письмо [начальнику] (№ 13) (см. Приложение III);
- 7) Утешительное слово к царскому грамматiku Константину Апиби-
фиуму (№ 14);
- 8—9) Два слова к великому друнгарию Андронику Каматиру (№ 15—
16);
- 10) [Письмо без заглавия патриарху] (№ 17);
- 11) I письмо митрополиту Новых Патр Евфимию Малаки (№ 19).

Рукопись завершалась первыми строками II письма Евфимию Малаки (№ 20). Остальные тетради, по-видимому, потеряны.

Список Новосадского был положен в основу моего исследования. Вместе с тем я привлек и другие сочинения Антиоха, содержащиеся в Э; ее микрофильм был получен Государственной библиотекой им. В. И. Ленина из парижского Института истории и разыскания текстов благодаря любезности проф. М. Ришара. К сожалению, пятна на отдельных листах рукописи местами оказались на микрофильме препятствием, которое далеко не всегда удавалось преодолеть.

Ниже все ссылки на неизданные сочинения Антиоха даются по Э.

Дата рождения Григория Антиоха неизвестна. Во всяком случае к концу 50-х годов он уже был сложившимся человеком. В 1160 г. он выступил с эпитафией Николаю Катафлорону, а несколько раньше — с речью к патриарху Луке Хрисовергу (1157—1169/70), где Антиох говорил о своем пробуждении от глубокого сна, когда его светильник красноречия находился под спудом, о своем вступлении в ряды составителей речей (л. 496). Возможно, что этой речью началась (или возобновилась?) ораторская деятельность Антиоха. Поскольку основное содержание речи — рассказ о том, как император взял Луку из монастыря Источника, подобно дочери фараона, извлечшей Моисея из реки (Исх., 2,5—9), и поставил его во главе сиротствовавшей церкви: [εἰς] πατέρα τοῦ ἐκκλησίας τέχνοῦς ἀπορφανισμένοις (л. 498об.); поскольку, далее, Лука выступает в речи как торжественно облаченный жених церкви (л. 503), можно думать, что Антиох писал свое слово довольно скоро после поставления Луки патриархом.

Впрочем, речь эта не могла быть произнесена непосредственно вслед за поставлением Луки патриархом, потому что Антиох упоминает в ней о достигнутом примирении враждующих членов церковного тела: τὰ στασιάζοντα τοῦ τῆς ἐκκλησίας σώματος μέλη (л. 502), т. е. после завершения II собора против Сотириха в 1157 г., где уже участвовал новый патриарх. А так как автор прославляет разгром варваров, которые оплакивают собственную гибель (л. 496), наиболее вероятной датой следует признать 1159 г., принеший византийцам ряд побед на Востоке.

Итак, первое датируемое произведение Антиоха ориентировочно можно отнести к 1159 г.

Антиох был родом из Константинополя: я здесь не чужой (ὄδνεῖος), говорил он о себе Василию Каматиру, не пришедший откуда-то извне (ἔξωθεν ποθεν ἔπηλος), но местный (αὐθιγενής) и кровный (γνήσιος) (л. 251).

Даррузе высказывает предположение, что наш Антиох находился в родстве с царствующим домом Комнинов⁶. Ход рассуждений исследователя таков: стихотворение Продрома, сохраненное в Венецианской рукописи (Marc., XI, 22), оплакивает некоего Антиоха, который умер, оставив сына Стефана и дочь, вышедшую замуж за Константия, сына севаста Исаака, принадлежащего к роду Комнинов. Константин же, согласно Даррузе, не кто иной, как Константин, третий сын севастократора Исаака, адресат Феофилакта Болгарского. А так как в неизданной печати XII в. упомянут Григорий, по материнской линии Антиох, то Даррузе допускает, что матерью оратора была дочь Стефана Антиоха и соответственно племянница Константина Комнина.

Легко видеть, что аргументация Даррузе строится на серии недостаточно строгих отождествлений. К тому же она приводит к трудно преодолимым противоречиям. Стихотворения из Marc., XI, 22 — независимо от того, будем ли мы считать их автором Продрома или Псевдо-Продрома, — относятся к середине XII в., т. е. ко времени, когда Григорий Антиох уже начал выступать с речами. Но у оплаканного «Продромом» Антиоха (предполагаемого прадеда оратора) еще не было не только правнуков, но и внуков — во всяком случае поэт молчит об этом. Стефан Антиох скорее сверстник, чем дед Григория, и его сестра вряд ли могла быть женой Константина Комнина, дуки болгарской фемы Веррия на рубеже XI—XII вв. К тому же ее супруг назван у «Продрома» Константином, а не Константином, его отец — севастом, а не севастократором. Титул севастократора принадлежал при Алексее I старшему брату императора, и, следовательно, Константин был племянником василевса — трудно думать, что о таком родстве Григорий ни разу не упомянул бы.

Он же, напротив, всячески подчеркивает скромность своего происхождения. Он называет себя бедняком, с детских лет испытывавшим превратности судьбы⁷, простым обывателем, человеком низкого положения⁸. Он принадлежит к мелким торговцам (*μικροπόροις*), плавающим по жизненному морю, а не к важным крупным купцам (*ζεωνοί τε καί μεγαλόποροι*) (л. 251). Обращаясь к Димитрию Торнику, он подчеркивал коренное различие между ними: Торника отличает высокое рождение (*γένεσις αἰθέριος*), и Григорий далек от него, как просяное зернышко от небесного свода (л. 396). Вряд ли подобные слова могли принадлежать близкому родственнику императорской фамилии.

Мы не знаем, находился ли Григорий в родстве со Стефаном Антиохом или с другим Антиохом, который был современником и личным врагом Феофилакта Болгарского⁹. Лишь из сочинений самого Григория мы можем извлечь кое-какие сведения о его родственниках.

Отец Антиоха был человеком состоятельным, коль скоро он смог получить запустевшую церковь, превращенную в склад ячменя и других припасов, и создать на ее месте женский монастырек, где обитало 12 монахинь. Он собирался также построить дома, на арендную плату с которых монахини могли бы существовать после его смерти¹⁰. Сестра отца была монахиней в каком-то монастыре, подчиненном хартофилаку: если верить Антиоху, старуха была ложно обвинена и подвергнута строгой эпи-

⁶ J. Dagouzès. Notices. . . , p. 76 sq.

⁷ M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 385. 1—3; 386. 9.

⁸ W. Regel. Fontes. . . , f. 2, p. 187. 20—26.

⁹ См. о нем Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 137.

¹⁰ J. Dagouzès. Notice. . . , p. 87—89. Еще до Даррузе на этот текст обратил внимание Вирт, который, впрочем, считал ктитором Григория, а не его отца (P. Wirth. Miscellen zu den Patriarchaten von Konstantinopel und Jerusalem. JÖBG, 9, 1960, S. 47 f.).

тимье хартофилаком, и писатель просил освободить ее от наказания перед наступающей пасхой (см. Приложение I). Трудно предполагать, что хартофилак обошелся так круто и своевольно с близкой родственницей Комнинов.

Высшее образование Антиох получил в Константинополе под руководством Николая Катафлорона, умершего в 1160 г. Из эпитафии Катафлорону, составленной Антиохом, мы узнаем, что покойный посвятил свой талант истолкованию посланий апостола Павла, затем стал «вселенским учителем евангелия» и, наконец, магистром риторов¹¹. Он получил эту должность из рук императора, который ввел его также в синклит. Вместе с тем Катафлорон был духовным лицом (τοῖς ἱεράσθαι λαχούσιν ἀποκεκλήρωται) (л. 268), и ожидали, что он будет поставлен епископом (χρισθῆναι τῷ ἐλαίῳ τῆς χρίσεως) (л. 269об.). Замечу, что подобное назначение обычно следовало за карьерой магистра риторов, — но Катафлорон умер, так и не увидев церкви, куда был определен пастырем (л. 270).

Антиох прямо называет Катафлорона своим учителем (л. 266); по его словам, все окружали Катафлорона, словно юные, неоперившиеся птенцы, и, раскрыв рот, внимали ему (л. 267об).

По-видимому, Антиох продолжал занятия в школе риторов и после 1160 г. Он называет себя учеником (φοιτητῆς) ипертима афинского, т. е. Николая Айофеодорита (л. 403об.). Николай — известное лицо. Он умер в 1175 г., и ему было посвящено несколько эпитафий, составленных виднейшими ораторами, в том числе Евстафием Солунским (надгробное слово Евстафия содержится в Э, но пока еще не издано). По словам Псевдо-Евфимия Торника, Николай, прежде чем стать епископом, занимал «софистическое кресло»¹², т. е. пост магистра риторов. Так как он получил епископат между 1157 и 1166 гг. (как можно судить по подписям на протоколах церковных соборов), естественно видеть в нем преемника Катафлорона в руководстве школы риторов.

Евстафий Солунский, племянник (?) Катафлорона, также был учителем Антиоха, который в одном из писем вспоминал о наставлениях Евстафия, сделавшего его, Антиоха, человеком из праха¹³. Хронология жизненного пути Евстафия еще недостаточно выяснена; возможно, что он стал магистром риторов в конце 60-х годов XII в.¹⁴

Пребывание Григория в школе риторов сблизило его с тем же кругом лиц, к которому принадлежал и Евстафий. Николай Катафлорон и Николай Айофеодорит были учителями Антиоха. Евстафий переписывался с Антиохом и щедро расточал похвалы ораторскому искусству своего ученика¹⁵. Ближайший друг Евстафия Евфимий Малаки также обменивался письмами с Антиохом: два письма Антиоха Евфимию сохранились в Э. И вместе с тем в отношении Григория к Евстафию и его близким чувствуется какая-то ущербность, ощущение собственной неполноценности, обида на судьбу. «Ты живешь на небесах, — обращается он к Евстафию, — тогда как я пресмыкаюсь на земле» (л. 402). Эти жалобы связаны, по-видимому, с тем, что Антиох оставил научные занятия, рассчитывая сде-

¹¹ Этот фрагмент издан: P. W i r t h. Zu Nikolaos Kataphloros. «Classica et mediaevalia», 31, 1960, S. 213.

¹² А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 160. 4—5. Николай отсутствует в списке магистров риторов, составленном Р. Браунингом (R. B r o w n i n g. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century. Byz., XXXII—XXXIII, 1962—1963).

¹³ J. D a r r o u z è s. Deux lettres... [II], p. 71. 302—304.

¹⁴ А. П. Каждан. Рец. на: E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. La espagnazione di Tessalonica. ВВ, XXIV, 1964, стр. 256.

¹⁵ E u s t a t h i i T h e s s a l o n i c e n s i s Opuscula. Francofurti a. M., 1832, p. 325. 71—81; 327. 17, 57—58, 74; 328. 45—46.

лате административную карьеру, но его ожидания, если и сбылись, то далеко не сразу. Он сам, обращаясь к Андронику Каматиру, повествует о периоде в своей жизни. Он жил в сладком саду (τὸ γλυκὸ κηπίον), изобилующем деревьями познания, без которых человек впадает в невежество и тупость (εἰς ἀγνωστίαν καὶ ἀγροικίαν). Его наставник заповедовал Григорию пользоваться всеми плодами этого рая, впитывать всякие знания, всякую мудрость. Но ему не следовало касаться деревьев, растущих за оградой, дабы не впитать вместе с плодами смертоносный яд (μὴ καὶ θάνατον συγκατασπάσαιμι τῷ λαίμῳ). Пребывание вне сада, по словам Антиоха, это рабская служба и несвободная жизнь (ἡ ἀνδραποδώδης θητεία καὶ ἀνελεύθερος βιοτή) (л. 380 об.).

И все же Антиох покинул сад милых книг и обучения; у него не стало времени даже заглянуть туда; он смотрел издали на блага, которыми прежде наслаждался (л. 381).

О служебной карьере Григория Антиоха мы располагаем очень скудными данными. В 1181 г. в речи на смерть Мануила I оратор назвал себя рабом (δοῦλος) императора и императорским секретарем (γραμματεὺς)¹⁶. С юности, сообщает Антиох в более позднем сочинении, он проводил жизнь в трудах на должностях императорского секретаря, занимаясь делами тайными и сокровенными¹⁷. С юных лет (ἐξ ἑτι νεῶντος) он был царским человеком (βασιλικός), одним из многочисленных слуг во дворце (л. 258 об.). «Мы слуги в царском доме (τοὺς ἐν τῇ οἰκίᾳ βασιλικῇ θεραπευτικούς)», — говорил он о себе (л. 386).

Из императорской канцелярии он перешел в судебное ведомство. Евстафий Солунский обращается к нему как к судье вила¹⁸.

В поздних сочинениях Антиох вспоминал обычно именно о своей деятельности на судебном поприще. Он ведал судом и правосудием (περὶ κρίσεως καὶ δίκης) (л. 452 об.), оставаясь неподкупным судьей (ἀνάλωτον δικαστήν) (л. 453), — так он уверяет в слове в честь Иоанна Крестителя, написанном уже после 1186 г. Примерно в то же время было написано слово к Константину Ангелу; и там Антиох обращается памятью к далеким временам, когда могучий государь — по-видимому, Мануил I — переводил его от чина к чину, от низкого положения к высокому, от сидящих на последних скамьях к восседающим впереди¹⁹. Перед его мысленным взором встают два белых шнура, служивших ему отличием²⁰. И уж, конечно, собственная справедливость восхищает Антиоха-судью²¹. «У меня не было ни желания, ни умения, — говорит он в этой речи, — обогащаться ценой насилия и душить тех, кто приходил ко мне»²².

Впрочем, столь идиллическая картина вырисовывается только в поздних воспоминаниях — сочинения же, возникшие в царствование Мануила I (1143—1180), полны жалобами на трудности и тяготы службы.

Риторическое описание этих лет жизни мы находим в I слове к Андронику Каматиру. После того как Антиох покинул «сладкий сад», он проводил дни и ночи в трудах (κόποις καὶ μόχθοις ἡμέρας ἐκχείμενος καὶ νυκτός);

¹⁶ W. R e g e l. Fontes. . . , f. 2, p. 193. 20; 205. 3. Ср. еще p. 214. 4—5. Даррузе ошибается, утверждая, что в этой речи Антиох не называет себя секретарем императора (J. D a r r o u z è s. Notice. . . , p. 64, n. 10). Отождествление Григория Антиоха с императорским грамматиком Григорием, осмеянным Иоанном Цецом (M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 360, A. 2. Ср. S. P é t r i d è s. Deux canons inédits de Georges Skylitzès. BB. X, 1903, стр. 464), проблематично.

¹⁷ M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 386. 9—10.

¹⁸ E u s t a t h i i Opuscula, p. 324.

¹⁹ M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 393.10—13.

²⁰ Ibid., S. 393. 15—16.

²¹ Ibid., S. 396. 1—4.

²² Ibid., S. 395. 11—12.

на его пути встречались шипы и колючки (л. 381). Он был небогат, вел жизнь незаметную, не требующую больших трат (οὐδὲ φιλαναλώτιν), удовлетворяясь необходимым. Но его потянуло к лучшему положению (εἰς βίον ἐπὶ μέσον σοβεῖν φιλοῦντα καὶ θεατρικώτερον μετεσκεύασμαι). И тут-то, нуждаясь в средствах, соответствующих его новому образу жизни (τῷ νῦν αἰρεθέντι βίῳ), Антиох почувствовал себя бедняком. Я не скор на взятки (τὸ τῆς χειρὸς περὶ τὸν λημματισμὸν ὀκνηρόν), заявляет он Андронику Каматиру, нет у меня умения обогащаться (οὐδεμία γοῦν μοι πρὸς τὸ χρηματίζασθαι λουσιτέλεια) — и потому я остаюсь бедняком (γυμνός) и должен стыдиться своей нищеты (л. 381 об.).

Жалобы на бедность Антиох повторяет на все лады. Его дети садятся за простую и неизысканную трапезу (л. 386 об.). Он не может обеспечить отцу достойную старость (л. 381 об.). Он не создал себе садов, не насадил виноградников, ни выкопал бассейнов для воды (л. 380).

К тому же скоро произошел поворот к худшему. В уже цитированном слове к Андронику Каматиру Антиох жалуется на изменчивую судьбу, на сослуживцев (τῶν ὁμοδόλων), которые жадно смотрят на ничтожные крохи (λεπτὰ σπέρματα) в руках Иосифа (т. е. самого Антиоха), собранные им, горемычным, по зернышку (κατὰ κόκκον). Ныне же (ταῦν) они захватывают это добро, запикивают его в свое ненасытное горло (εἰς τὸν μαργῶντα λαίμῳ) (л. 379). Антиоху грозят тяжкие беды (л. 380), над ним нависает грозное наказание (βαρὺ μοι τὸ ἐπιπρεμαμένον ἐπιτίμιον) (л. 379 об.).

Как видно из цитированного только что слова, Антиох находился в ту пору в подчинении Андроника Каматира. «Ты ради любви ко мне, рабу (δοῦλον), сошел с твоих небес», — обращается он к Андронику (л. 382). «Меня, принадлежавшего к рабам (εἰς δούλων μαῖραν), ничтожным и низким (ταπεινὴν καὶ χαμαιζήλον), ты — о диво! — вознес на возлюбленную высоту», — говорит он в другом месте (л. 379).

Севаст Андроник Каматир — известная личность. В лемме речи Антиоха он назван великим другарием. Этот пост он занял между 1161 и 1166 гг. Таким образом, I слово к Андронику Каматиру не могло появиться ранее 1161 г. К сожалению, мы не знаем, до какого времени Андроник сохранял эту должность: во всяком случае он назван великим другарием еще в скрепе на простагме 1176 г.²³

Можно предполагать, однако, что I слово было написано в начале служебной карьеры Антиоха: он еще молодой чиновник, и ему хочется заверить начальника в том, что он обладает достаточным знанием предмета (ἀποχωρῶσαν ἀδροίσας γνώσιν πραγμάτων) (л. 380 об.). Упоминание об отце Антиоха также позволяет думать, что речь была написана, когда писатель делал первые шаги по служебной лестнице²⁴.

В пользу подобной датировки можно привести еще одно соображение. Из других сочинений Антиоха мы знаем, что он тяжело заболел. Болезнь эта не упомянута в I слове (хотя оратор не забыл бы причислить и эту беду к списку своих невзгод), зато во II слове, обращенном к тому же Андронику, Антиох неоднократно жалуется на заболевание. Особенно он страдает от распухших ног (τοὺς πόδας οἰδοῦντας), которые не дают ему двинуться из дому (л. 383 об.).

В упоминании о болезни можно усмотреть намек на время написания обоих слов к Андронику Каматиру. В слове в честь Иоанна Крестителя

²³ E. L. V g a n o u s i s. Πατριακά Β'. «Χαριστήριον εἰς Ἀ. Ὀρλάνδον», vol. II. Athenai, 1964, p. 89. Об Андронике см. еще С. Ш е с т а к о в. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524. ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 50 и сл. Сохранились также два письма Малаки, адресованных великому другарию Андронику Каматиру (E u t h y m i o s M a l a k e s. Τὰ σοφώμενα. Athenai, 1937, p. 69 sq.).

²⁴ Ср. J. D a r r o u z è s. Notice. . . , p. 68.

Антиох вспоминает, что он был прикован болезнью к постели (*κλινοπέτης*) еще в молодые годы (*ἐξ ἔτι νεάζοντος*) и только горячие молитвы и помощь таинственного монаха принесли ему исцеление (л. 430—430 об.). Об этой же болезни Антиох упоминает в речи к Мануилу I: он говорит о себе как о расслабленном, прикованном к постели; его несут на носилках к императору в надежде исцелить²⁵. Речь к Мануилу I может быть датирована: она произносилась, скорее всего, в начале 1176 г.

От этой болезни, начавшейся в молодые годы Антиоха, во всяком случае до 1176 г., нужно отличать другое его — подлинное или мнимое? — заболевание: в 1183 г., услышав о поставлении Василия Каматира патриархом, Антиох, по его собственным словам, оставил свой угол (*γωνιάς*) и постель (*κλίνης*), к которой приковала его болезнь (л. 250 об.). В тех же словах Антиох говорит о своей болезни и в письме игумену монастыря на острове Антигона: «Мы, так сказать, заслужившие постель и угол» (л. 199 об.).

Итак, мы приходим к выводу, что II слово к Андронику относится примерно к 1176 г., а I слово — к более раннему времени, когда Антиох был еще молод.

Во II слове к Андронику упоминается одно событие, сыгравшее, видимо, важную роль в жизни Антиоха. Ритор говорит о нем иносказательно: некто призвал его работником на свой виноградник (*εἰς τὸν αὐτοῦ ἀμπελώνα ἐργάτην*) за плату (*μισθοῦ*); он с радостью (*ἄσμενος*) зрудился, несмотря на тяжесть работы, а когда день кончился, Антиоху пришлось уйти, не получив обещанного динария (*ἄμισθος καὶ τὸ συμφωνηθὲν δηνάριον*) (л. 384 об.). Эта «распрекрасная служба» (*ἡ βελτίστη θητεία*) — причина его болезни (л. 384). «Постоянные труды добровольного рабства (*ἐθελοδοουλίας*), — восклицает он в другом месте, — украсили меня морщинами» (л. 383—383 об.). И может быть, чересчур нажимая на педали, Антиох преждевременно жалуется на наступление старости (л. 383).

О своей рабской службе Антиох говорит неоднократно: он вспоминает в речи к Константину Ангелу, что прежде был свободным (*τὴν πρώτην ἐλεύθερον φῦντες*), а затем оказался в числе купленных рабов и выполнял ненавистную свободным службу, получая за нее ничтожную оплату (*φαιλοτάτης μισθοφορίας*)²⁶; он пишет о своей несвободе близким по школе риторов людям: Николаю Аюфтеодориту, Евстафию Солунскому, Евфимию Малаки.

Из этих писем следует, что Антиох находится в числе добровольных рабов (*ἐθελοδούλους*), лишенных самостоятельности (л. 401); что он выполняет свою подневольную службу за плату (*ἐπὶ μισθῷ*)²⁷, хотя и ничтожную: *ἄχρυσα δὲ γὰρ ἡμῖν τὰ τῆς ἐργασίας παντάπασι καὶ ἀνάργυρα* (л. 401 об.); что его служба далека от умственной деятельности и приводит его в «ад тупости» (л. 402); что бесконечные труды истощают его плоть (л. 400 об.); что занятия эти вызывают презрение окружающих²⁸; что служба связана с разъездами, с пребыванием вне отечества (л. 399 об., 402 об.), хотя Антиох бывал в это время и в столице (л. 392 об.).

Что представляло собой это «добровольное рабство» Антиоха? Вероятнее всего, после первых неудач на государственной службе он поступил к кому-то из влиятельных частных лиц, так сказать, коммендировался, если пользоваться западной средневековой терминологией. Это был шаг, нарушающий привычные для Антиоха нормы; отсюда обостренный страх

²⁵ W. Reg el. *Fontes*. . . , f. 2, p. 184. 6—14. Ср. еще p. 185. 12—17; 189. 13—22.

²⁶ M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. *Op. cit.*, S. 393. 13—394. 2.

²⁷ M i c h a e l A k o m i n a t o s. *Tὰ σωζόμενα*, vol. II. Athenai, 1880, p. 401. 3—6.

²⁸ *Ibid.*, p. 402. 5—12. Ср. p. 407. 8. О том же скорбит он и во II письме Евфимию Малаки (л. 394).

перед «недоброй славой» и стремление оправдаться. Этот шаг ставил его, если не в реальности, то в моральном отношении, на одну ступеньку с рабами и мисфиями: «Я записался, — пишет он Евстафию Солунскому, — в ряды купленных рабов и беглецов от блага» (л. 400).

Но подобное отношение к частной службе было далеко не всеобщим в Византии, особенно при Комнинах, когда стали укрепляться элементы феодальных институтов. Трагедия Антиоха порождалась его субъективным отношением к «коммендации»: человек, выросший в традициях византийской государственности, он считал единственно достойным свободного служением государственную службу и потому столь остро воспринимал необходимость оставить ее.

Среди писем Антиоха, полных жалоб на «добровольное рабство», одно может быть датировано довольно точно — письмо Николаю Айофеодориту, названному в лемме ипертимом афинским. Николай был ипертимом с 1173 по 1175 г. Следовательно, «коммендация» Антиоха приходится примерно на 1174 г. Вслед за тем он заболел — как уже говорилось, он был тяжело болен в начале 1176 г.

Итак, можно предполагать, что около 1160 г. Антиох находился в школе риторов и выступал в ту пору с речами (слово к Луке Хрисовергу, эпитафия Катафлорону); до конца 60-х годов он оставался в школе риторов, затем оставил ученую карьеру и пошел на государственную должность; его беспокойная натура не удовлетворилась и новым местом, он искал довольства на частной службе (около 1174 г.), но тяжелая болезнь (около 1175 г.) заставила его отказаться и от этого места.

Что произошло с Антиохом дальше, неясно. Во всяком случае в начале 1181 г. он выступал в синклите с речью о недавно умершем Мануиле I. «Прежде, — говорил в этой речи Антиох, — и не очень давно (ὁ πόλις πρότερον) это собрание имело меня в своем составе. . . И вот я снова среди вас (καὶ πάλιν ἐν μέσοις ἐγώ)»²⁹. По-видимому, еще при Мануиле Антиох, продвигаясь по служебной лестнице³⁰, достиг места в синклите; затем он потерял его, а после смерти Мануила вновь приобрел.

Как известно, в первые годы после смерти Мануила I власть в империи находилась в руках протосеваста Алексея. Среди сочинений Антиоха имеется монодия на смерть сына протосеваста, написанная еще до смерти Мануила; однако она настолько риторична, что мы не в состоянии выяснить, сколь близкими были отношения между оратором и племянником всемогущего государя. Можно лишь гадать о том, в какой степени протосеваст Алексей содействовал возвращению Антиоха в синклит.

В 1183 г. патриархом стал Василий Каматир. Сразу же после занятия им патриаршего престола (л. 250 об.) Антиох обратился к нему с речью, сам назвав ее записью в рабство (δουλογραφίαν) (л. 251)³¹.

Речь Антиоха знакомит нас с личностью этого преданного соратника Андроника I Комнина³². По словам Антиоха, Василий был пловцом в море

²⁹ W. R e g e l. *Fontes*. . . , f. 2, p. 193. 22—194. 3.

³⁰ Любопытно, что в I слове к Андронику Каматиру Антиох, тогда еще незаметный (судейский?) чиновник, гордится расположением к нему членов синклита: τῶν τε τῆν σύγκλητον πληροῦντων βουλῆν (л. 380).

³¹ Тем же термином Антиох пользуется, характеризуя свою речь к Мануилу I (W. R e g e l. *Fontes*. . . , f. 2, p. 184. 22).

³² По словам Евстафия Солунского, Василий Каматир был во всем заодно с Андроником (E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. *La espugnazione di Tessalonica*. Palermo, 1961, p. 48. 6—11). Никита Хониат сообщает, что Василий даже дал письменное обещание делать все, что угодно Андронику (N i c . S h o n . , p. 339. 20—25). Некоторые данные о патриархе Василии содержатся в неизданных речах Льва Валианита (см. R. B r o w n i n g. *The Patriarchal School*. . . [I], p. 180 f.) и Иоанна Кастамонита (*ibid.*, p. 200).

эллинской мудрости (τὴν ἀλμυρὰν τῆς Ἑλλήνων σοφίας), скрывающем в своей глубине драгоценный жемчуг. Он был ритором среди ритором, радовавшимся и слух и душу (л. 251 об.). Покойный император (т. е. Мануил) любил его и поручал ему различные должности (δημόσια λειτουργήματα), так что он поднимался по служебной лестнице от низших ступеней к самым высоким: ἐπὶ τὰ κρείττω καὶ ὑψηλότερα (л. 252).

«Ты сопровождал императора в походе», — говорит Антиох (л. 252 об.), но главное внимание уделяет дипломатической деятельности Василия. Он отправлялся к различным народам, говорящим на иных языках (ἑτεροδιαλέκτοις δὲ καὶ ἀλλογενέσιν) (л. 252), и своей деятельностью приносил великую славу и пользу и всей империи ромеев (τῇ τε κοσμικῇ Ῥωμαίων ἡγεμονίᾳ) и посланному его императору. Он совершал дальние поездки по чужой земле и сходилися в словесных битвах с владыками варваров (βαρβαρχοῦσι), слушая их и отвечая, возражая и выдвигая неопровержимые аргументы и, наконец, убеждением подчиняя варваров (πειθοὶ καταδημαγωγήσας τὸ βάρβαρον) (л. 252об.).

Подобно апостолу Павлу, рассказывает далее Антиох, Василий прибывает в Рим (περὶ τὴν πρεσβύτιδα Ῥώμην), и этот город принимает его, как Павла Дамаск. Городом управлял этнарх, и Василий силой своего убеждения обратил его «посреди его этнархии» в раба императора и сторонника ромеев. Но, видимо, успехи Василия были не так велики, как хочется ритору, потому что вскоре византийскому дипломату пришлось спастись хитростью, «перелетая через западную, устроенную охотником». И оратор ставит в особую заслугу послу то, что он унес назад «царское золото» — редкий случай, если иметь в виду сребролюбие и жадность тамошних жителей (л. 253).

В. Лоран издал печать севаста и протонотария Василия Каматира, которого он отождествил с севастом и протонотарием Василием Каматиром, участвовавшим в заседаниях собора в мае 1166 г.^{32а} Так как протонотарий — один из высших чинов дипломатической службы, не исключается (хотя и не может быть доказано), что этот протонотарий Василий — не кто иной, как будущий патриарх³³.

По-видимому, на дипломатической службе Василия Каматира ждали неудачи. Антиох вспоминает суровые испытания (σφοδρῶ τινι σάλῳ πειρατηρίου βασιανισθεῖς) и бурю ненависти (αἱ τοῦ φθόνου δριμύται λαίλαπες), после которых Василий нашел тихое пристанище в церкви. Эти испытания длились 14 лет (τὸ τεσσαρεσκαίδεκαετές ἅπαν συναπαρτίζει σοι πειρατήριον) (л. 253 об.).

Подобно Христу, рассуждает далее Антиох, Василий умер и потом воскрес; он говорит о возрождении своего героя после незаслуженных невзгод (τῆς ἀδίκου νεκρώσεως ἐξανάστασιν), о несправедливости (ἀδικήματος), затмившей блеск жемчугов Василия (л. 256), о наступлении тяжелой зимы, вслед за которой пришла весна, и голос Василия — голос горлицы — вновь услышали «в этом божественном граде» (л. 257 об.).

Наконец, Антиох переходит к «твоему после 14 лет (μετὰ τετρακτῆν ἐτῶν καὶ δεκάδα) сперва восхищению на третье небо церкви, т. е. прохождению этих высоких ступеней, которые ты занял и украсил, а после — [вступлению] в высший рай вселенской патриархии» (л. 253 — 253 об.). Мудрость не медлила (μὴ δ' ἀποκνήσασα), и ты быстро (θᾶττον) достиг высокой должности (л. 257 об.).

^{32а} V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamatéros. Byz., VI, 1931, p. 259.

³³ По мнению Г. Штадтмюллера, аколуп Василий Каматир, принимавший участие в посольстве в Антиохию в 1160—1161 г., — будущий патриарх (G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familie Kamateros. BZ, 34, 1934, S. 354).

Конечно, мысль автора выражена крайне риторично, но все-таки мы можем предположить, что за 14 лет до 1183 г., т. е. примерно в 1169 г., дипломат Василий подвергся монаршей немилости. Связано ли это с участием Василия в византийско-римских переговорах, которые происходили как раз в 1169 г.³⁴, мы, разумеется, не можем знать.

Антиох сообщает кое-что и о мероприятиях вновь поставленного патриарха. Прежде всего он проводил чистку клира: целью Василия было, говорит Антиох, «да не останется в вертограде (имеется в виду церковь) бесплодной лозы (μη μένον ἐν τῇ ἀμπέλῳ κλήμα καὶ ἀκαρποῦν)» (л. 255 об.). «Всеобъемлющая храмина церкви (ἡ πανδεχῆς οἰκία τῆς ἐκκλησίας), — читаем мы в другом месте (л. 254 об.), — очищено (σεσάρωται), и выметен из нее скопившийся мусор несправедливости (βαθὺς τῆς ἀδικίας ἀποτετίναται φορυτός)».

Антиох подчеркивает демократизм Василия: «Ты не закрываешь дверей, не преграждаешь доступ стучащимся. Напротив, ты растворяешь все входы (πᾶσας ἀναζυγοῖς τὰς εἰσαγωγάς)» (л. 254).

По-видимому, церковь должна была распрощаться с частью своих богатств. Теперь она не покрывалась чуждыми ей накладными украшениями (ὀδυνοῖς καὶ περιθέτοις ἕξωθεν κάλλεσιν), которые собирала вчера и позавчера, — ее красота стала природной (л. 255).

Эти сведения дополняют известия Никиты Хониата и Евстафия Солунского о деятельности Андроника I. По всей видимости, перестройка, проведенная узурпатором, коснулась и церкви.

Осуществляя перестройку церкви, Василий собирался привлечь и Григория Антиоха. «Я знаю, что ты хочешь, чтобы я служил богу (ἐθέλεις οἶδα στρατολογεῖν με θεῷ)», — говорит Антиох, но он отказывается стать «священным гоплитом» (τὸν ἱερόν ὀπλίτην). «Я уже достаточно занят мирскими делами, служа кесарю (στρατευσάμενος καίσαρι); я обременен великими трудами» (л. 258).

Вместо себя Антиох рекомендует сына (л. 258 об.). В письме патриарху он говорит об этом подробнее: его первенец был болен, и врачи уже отреклись от него, но Антиох молил бога, и сын был вырван из власти Аида (л. 385 об.). Теперь отец поручает его небесному царю и полководцу, а также патриарху — духовному военачальнику и великому стратигу божьего воинства. «А так как, — добавляет Антиох, — я не могу выделить ему соответствующий стратиотский опсоний (εἰ μὴδὲν αὐτῷ κατάλληλον ἕχω στρατιωτικὸν прозеранίζειν ὀψώνιον), то надеюсь, что общий податель пищи снабдит и его (σιτομετρήσας ἐκποριεῖ)» (л. 386 об.).

Так, пользуясь приходом к власти близкого к нему человека, Антиох торопится получить для сына доходную церковную должность.

Режим Андроника I продержался недолго. Вскоре после расправы с узурпатором наступила очередь патриарха. Исаак II в 1186 г. добился низложения Василия, хотя перед тем и пользовался некоторое время его услугами (Nic. Chon., p. 530. 3—5). По-видимому, судьбу Каматира разделил и прославивший его оратор.

В речи к Константину Ангелу Антиох сообщает об этом в весьма туманных выражениях. Оказывается, император (Исаак II), который для Антиоха — второй (после бога) спаситель, пожелал вновь вернуть оратора к службе³⁵, однако Антиох, ссылаясь на болезнь и возраст, ответил отказом. «Кто, подобно нам, — восклицает он с нескрываемой обидой, — освобожденный от службы, за свои обильные труды награжденный от-

³⁴ См. P. L a m m a. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 172 sg.

³⁵ M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 387. 10—11.

ставкой (τὴν ἀστρατείαν λαβών) и уже долгое время находящийся вне строя, затем вновь silkом (βία) был привлечен к оружию?»³⁶.

Трудно сказать, к какому времени относится отставка Антиоха, но, может быть, его обида была вызвана именно тем, что Исаак II освободил его от должности (ведь если бы Антиох был уволен в отставку при Андронике I, он не преминул бы подчеркнуть это обстоятельство в речи, произнесенной при преемнике и враге последнего Комнина). Как бы то ни было, он жаловался Константину Ангелу на отсутствие средств к существованию и просил высокопоставленного покровителя о помощи.

Вполне вероятно, что Антиох, который при Андронике «служил кесарю», вскоре после переворота Исаака II должен был уйти в отставку. Предположению о близости Антиоха к правительству Андроника не противоречит, разумеется, грубая брань в адрес низложенного императора — «грязного и дряхлого тирана»³⁷, «Навуходоносора» (л. 453): все эти эпитеты рассчитаны на то, чтобы заслужить внимание победившей династии.

По-видимому, мало-помалу положение Антиоха упрочилось. Косвенное свидетельство этому можно извлечь из письма Антиоха Димитрию Торнику.

Димитрий Торник, как повествует его панегирист, был выходцем из беотийских Фив³⁸. Аристократическое происхождение и отличное образование позволили ему достигнуть высоких служебных постов. При Алексее II он был судьей вила, но навлек на себя гнев Андроника и едва избежал смерти (Nic. Chop., p. 344. 14—345.3). По-видимому, свержение Андроника принесло ему должность начальника каниклия: во всяком случае Михаил Хониат в письме начальнику каниклия Димитрию Торнику велеречиво выражает свою радость, вызванную переворотом «человеколюбивого императора» Исаака II³⁹. В несколько более позднем письме (от 1185—1186 г.) Михаил Хониат называет Торника уже логофетом⁴⁰.

Вслед за тем, однако, Торник навлек на себя немилость императора; Михаил Хониат утешает его в письмах, которые, правда, могут быть датированы лишь по их положению в сборнике (как известно, этот сборник составлен по хронологическому принципу): они относятся ко времени между патриаршеством Леонтия Феотокиита (1189 г.) и смертью Евстафия Солунского (1195 г.)⁴¹.

Опала Торника была лишь временной: в 1199 г. мы застаем его на посту логофета дрома⁴², но вскоре после этого, около 1200 г., он умер, передав свой пост сыну Константину⁴³.

Торник поддерживал с Антиохом давние отношения: два письма Антиоха к Торнику, сохраняющиеся в Венецианской рукописи (Marc., XI, 22), содержат, по словам Даррузе, традиционные выражения друже-

³⁶ Ibid., S. 388. 4—6.

³⁷ Ibid., S. 376. 19—20.

³⁸ А. И. Пападопуло - Керамевс. Указ. соч., стр. 187. 21.

³⁹ G. Stadtmüller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934, S. 122 f.

⁴⁰ Ibid., S. 124.

⁴¹ Ibid., S. 125 f. Приводимые Г. Штадтмюллером даты патриаршества Леонтия (1190—1191) и смерти Евстафия (после 1 сентября 1193 г.) теперь устарели. См. V. Grumel. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, p. 180; P. Wirth. Ein neues Terminus ante quem non für das Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 54, 1961, S. 86 f.

⁴² L. Petit. Actes de Chilandar, I. ВВ, XVII, 1911. Приложение, № 5. 82.

⁴³ А. И. Пападопуло - Керамевс. Указ. соч., стр. 134. 3—7. Ср. G. Stadtmüller. Michael Choniates. . . , S. 130.

ственных чувств⁴⁴. Совсем иной характер носит третье письмо Антиоха Торнику, включенное в Э и представляющее собой ответ на жалобы друга.

Письмо это не имеет внутренних признаков, достаточных для его датировки. Автор лишь упоминает о своем почтенном возрасте (ὁ μακρὸς χρόνος) и жизненном опыте (πεῖρα) (л. 396) — следовательно, мы могли бы отнести послание Антиоха к концу его жизни. Впрочем, поскольку это письмо связано с опалой Торника, мы вправе предположить, что оно было написано одновременно с утешительными посланиями Михаила Хониата, т. е. в начале 90-х годов.

Как разнятся между собой письма Михаила Хониата и ответ Антиоха! Михаил Хониат не просто утешал опального вельможу, подчеркивая, сколь опасна вообще близость к опаляющему солнцу, к громовержцу Зевсу⁴⁵, но и заверял, что не только любил Торника, покуда тот был начальником каниклия, севастом, видным царедворцем, но и ныне продолжает восторгаться его мудростью⁴⁶. Антиох же поспешно открещивался от своего впавшего в немилость друга.

Прежде всего он заявлял, что сам скорее, нежели Торник, нуждается в утешении, ибо достигнутая им гавань полна волн и он боится потерпеть кораблекрушение у спасительной пристани (л. 395 об.). Жалобы Торника, оказывается, безжалостны, ибо они еще больше растрavляют раны несчастного Антиоха (л. 396)!

Уже в этих словах проскальзывает искусственность отговорок Антиоха: он все-таки достиг «гавани», обладает прочным положением — недаром Торник обратился к нему за сочувствием и поддержкой. Во второй половине письма — еще более лукавый предлог, чтобы отклонить просьбу. Между нами, рассуждает Антиох, существует лишь мнимое единство (ἐν ἡμῖν δὲ χωλεῖον εὖρη τὸ εἶν) — да и откуда быть единству, если Торник и происхождением, и образованием неизмеримо превосходит своего корреспондента (л. 396)? За изысканной лестью отчетливо вырисовывается уродливое лицо страха: Антиох боится связать себя с тем, кто опален императорской немилостью, повержен молнией Зевса.

К середине 90-х годов Антиох действительно сумел достигнуть солидного положения: в лаврской грамоте от июня 1196 г. он назван великим друнгарием⁴⁷. Великим друнгарием именуют его и титулы многих его сочинений — при этом не только поздних, как речь к Константину Ангелу или слово в честь Иоанна Предтечи, но и наиболее ранних (эпитафия Катафлорону, слово к патриарху Луке Хрисовергу). Разумеется, около 1160 г., когда создавались эти произведения, Антиох еще не был великим друнгарием; не был он им и когда писал утешительное слово логофету Михаилу Айофеодориту (л. 201) — еще при жизни его брата, митрополита Николая, т. е. до 1175 г. (напомню, что по крайней мере до 1176 г. этот пост занимал Андроник Каматир).

Следовательно, титулы Э не принадлежат автору. [Кстати сказать, их позднейшее происхождение обнаруживается также в их неточности, в несоответствии тексту: например, обращенное к Константину Апибифиуму сочинение сам Антиох назвал письмом, γράμμα (л. 377 об., 378 об.), тогда как в титуле стоит «утешительное слово», λόγος παρηγορητικός (л. 377).] Составитель сборника не употреблял названия прежних должностей Антиоха (императорский секретарь или судья вила), но повсюду — даже в титулах его ранних сочинений — именовал его великим друнга-

⁴⁴ J. Darrouzès. Notice. . . , p. 75.

⁴⁵ Michael Akominatos. Op. cit., II, p. 79. 11—13, 18—20.

⁴⁶ Ibid., II, p. 85. 12—17.

⁴⁷ P. Lemerle. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade d'après deux documents inédits des archives de Laura. REB, 19, 1961, p. 262.

рием. Значит, титулы *Э* не могут определить время, когда Антиох получил пост великого друнгария.

Как бы то ни было, Антиох вернулся на государственную службу к 1196 г., а может быть, даже раньше — если справедливы предложенная выше датировка и истолкование письма Димитрию Торнику. Почему же в таком случае он, ссылаясь на старость, отказался от этого, когда Исаак II предлагал ему какой-то пост? Ведь не стал же он к 1196 г. более молодым, чем в царствование Исаака II.

Разгадку этого противоречия можно было бы искать в том, что первоначально Исаак II предложил Антиоху слишком низкую должность. Можно было бы предположить (чисто гипотетически!), что должность великого друнгария выглы, которую — по крайней мере до 1176 г. — занимал Андроник Каматир, Антиох получил уже при Андронике I. Исаак II, справляясь со сторонниками своего предшественника (в том числе с покровителем Антиоха Василием Каматиром), и Антиоха отправил в отставку. Некоторое время спустя, когда утихли первые страсти, император предложил ему другой пост, но обиженный Антиох отказался. Лишь к началу 90-х годов (по ходатайству Константина Ангела?) престарелому ритору был возвращен его прежний пост.

Григорий Антиох прожил беспокойную и трудную жизнь. Его тянуло к литературно-научной деятельности, к кружку Николая Катафлорона и Евстафия Солунского, но он покинул сладкий сад, где росли деревья познания. Обстоятельства заставили его «коммендироваться», поступить на частную службу, — но Антиох краснел со стыда и мечтал о карьере чиновника. Он был императорским секретарем и судейским и к концу жизни достиг видного положения в византийской административной машине. Антиох был гражданским чиновником в полном смысле слова: не без некоторого кокетства он называл себя книжным человеком, привыкшим пользоваться стилем и тростниковым пером вместо копья, непрочной бумагой — вместо щита и панциря. Он, оказывается, чужд воинских упражнений и настолько слаб и немощен, что ветер может унести его, словно соломинку ⁴⁸.

Неустойчивым было существование византийского чиновника — и Антиох пережил подъемы и падения, ласку и немилость самодержцев. Его ораторское дарование служило ему при разных государях, при разных режимах: при воинственном Мануиле I, при Андронике I, игравшем роль народолюбца, при реставраторе Исааке II. Он умел отказываться от старых кумиров и отворачиваться от старых друзей.

Его материальное положение было столь же шатким, как и социальный статус. Угроза бедности постоянно стояла перед его глазами, гнала его от школы риторов в императорскую канцелярию, на частную службу. Главная мечта Антиоха — обеспечить жалование, достаточное для его многочисленного семейства: «*Ἀδάρχη πατωχεσία περιποίησαι τὰ ὀφόνια*», — с такой мольбой обращается пожилой оратор даже не к реальным властям империи, а к самому Иоанну Крестителю (л. 453). Из речи в речь клянется он своей честностью и бескорыстием; он гордится неумением и нежеланием брать взятки. «Моя природа не наделена склонностью к наживе (τὸ κέρδος συλλεχταῖν)», — заявляет он Евстафию (л. 400). И может быть, эти уверения звучат чересчур навязчиво, чтобы нам принять на веру честность и бескорыстие Антиоха.

Мировоззрение этого византийского чиновника отвечало его практическим жизненным принципам.

⁴⁸ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 68. 168—171; 69. 201—204. Тот же образ: M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 388. 11—13.

В речи, обращенной к Мануилу I и произнесенной, скорее всего, в 1176 г., Антиох выставляет себя поборником равенства (*ισότης*)⁴⁹. Перифразируя отцов церкви, он заявляет, что бог создал воздух, воду, огонь и солнце не для одних праведников, но и для всех грешников⁵⁰.

Те же мысли развивал Антиох и в I слове к Андронику Каматиру. Творец, оказывается, создал земные блага не для одного только знатного (*εὖ γεγονότι*) или отмеченного высокой судьбой (*τύχην εὐληγοῦσι περίοπτον*); не лишил он и человека низкой судьбы (*τῷ δὲ τύχης φαυλοτέρας τελοῦντι*) обладания ими. Нет, он предоставил их всем (*τοῖς πᾶσι*) равномерно (*ὁμοτίμως*), поскольку все люди созданы из той же самой глины (*διὰ τὸ ταῦτόν τῆς κατὰ φύσιν κεραμείας ὁμοτίμοι*). «Каждого явившегося в мир человека, — продолжает Антиох, — ты считаешь сообитателем, ибо у вас одна крыша — небо; и каждого считаешь сотрапезником, ибо у вас один стол — земля и вы питаетесь общим хлебом и общей солью (*κοινῷ ἄρτου καὶ κοινῶν ἁλῶν*)». Лишь кажущимся неравенством (*ταῖς δοκούσαις περὶ τὸν βίον ἀνισότησι*) разделены люди (л. 382).

Конечно, Антиох имеет в виду не реальное равенство, имущественное и социальное, ибо он хорошо знает, что бог одного человека унижает, а другого возвышает, что жизненное море несет пловцов неравной судьбы (*ἀνίσου τύχης*)⁵¹. Он считает нормальным, что у бедняка (*πτωχός*) есть господин (*κύριος*), который воспитывает, карает и исцеляет (л. 380). Симпатии Антиоха на стороне господ: недаром он говорит о невежестве бедняков [*εὐεπιβουλεύτων* (может быть, *εὐεπιβούλων*?) *πενήτων ἢ ἀπροικία*], которые со всей страстью (*ὄλοις θυμοῖς*) нападают на нас (*ἡμῶν καταστρατηγεῖ*) (л. 266).

Откуда происходит «кажущееся неравенство» — на этот вопрос мы не найдем у Антиоха однозначного ответа. То он утверждает, что смертные на жизненном стадионе бегут по твердо установленному пути (*ταχτοῖς τισι δρόμοις*) (л. 378), то ему кажется, что судьба тиранически распоряжается людьми (л. 379). Как бы то ни было, человек должен терпеливо сносить выпавшие на его долю невгоды, не сгибаясь и не обращаясь перед ними в бегство (л. 268). Роза наделена шипами, полагает Антиох, чтобы ее аромат казался еще более сладким (л. 379—379 об.).

Иными словами, Антиох не требует социального переустройства мира. То, к чему он стремится, — это чтобы император управлял, опираясь не на одних только высших сановников, но и на ту общественную группировку, к которой принадлежал сам оратор. Вот почему он превозносит государя, который дает лицедреть себя не только ближайшим к нему (*τοῖς ἐγγυτάτοις ἐστάναι λαχοῦσι*), не только окружающим императорский трон и золотое седалище, но уделяет блеск своего лика и нам, простым и ничтожным людям (*τοῖς κατὰ τὸν πολὺν ἄνθρωπον καὶ ταπεινότερον*)⁵².

Напомню еще раз, что эти слова прозвучали в правление Мануила I, государя, полагавшегося в первую очередь на клан своих родственников — Комнинов — и на высшую аристократию. Демократическая фразеология Антиоха отвечала скорее официальной программе Андроника I, выставившего себя защитником бедняков и восстановителем справедливости. Программе Андроника отвечало также и суровое осуждение ритором взяточничества.

С официальной идеологией времен Мануила I Антиох расходится еще и в том отношении, что скептически отзывается о положении воинов.

⁴⁹ W. R e g e l. *Fontes...*, f. 2, p. 187. 14.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 188. 7—12. Ср., например, у Григория Богослова, одного из любимых писателей Антиоха: PG, t. 36, col. 200 B.

⁵¹ W. R e g e l. *Fontes...*, f. 2, p. 188. 12—13; M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. *Op. cit.*, S. 369. 21—22.

⁵² W. R e g e l. *Fontes...*, f. 2, p. 187. 15—18.

Если армия была любимым детищем и предметом особых забот Мануила, то Антиох писал о ней с иронией. Лишь поверхностные наблюдатели, по его словам, могут восхвалять судьбу воина. Они видят только львиную шкуру, наброшенную на осла, и восхищаются ее косматой гривой, но им невдомек, что скрывается под этим великолепием. А там на самом деле существо, обреченное таскать тяжести и подвергаться побоям или даже трудиться на мельнице, где оно не знает свободы ни днем, ни ночью, вечно кружась на одном месте, вечно двигаясь и не продвигаясь вперед, с плотной повязкой на глазах, мешающей увидеть беду⁵³.

Из двух основных группировок, боровшихся за власть в XII в., — феодальной знати и столичного чиновничества — Антиох отдал свои симпатии второй. В соответствии с ее принципами культ императора принимает под пером Антиоха воистину космические размеры: ты бог, заявляет Антиох Мануилу, бесплотная сущность, сверхъестественное естество, нечеловеческий человек⁵⁴. То равенство, поклонником которого выставлял себя оратор, есть равенство бесправия, равенство слепого подчинения императорской воле. Каждый должен преклоняться перед императором, низко сгибая шею, смиряя дух и речь⁵⁵. Подданный ничтожен, он подобен капле в беспредельном море⁵⁶, и перед лицом императора его охватывает сложное чувство любви и страха, верности и восхищения⁵⁷.

Самое понятие свободы выбора Антиоху, вжившемуся в византийский деспотизм и произвол, кажется ирреальным. Кажется бы, рассуждает он, что может быть более чуждым друг другу, нежели свобода выбора (γνώμη) и тирания; в действительности же различие ничтожно, ибо свобода выбора внушает людям иллюзию добровольности (ἡ μὲν γὰρ ἐθελοῦσῆς ἐμπέφυκε τοῖς ἀνθρώποις, ἡ γνώμη), а тирания насильно увлекает и не желающих (ἡ δ' ἔλκει πρὸς ἀνάγκην καὶ μὴ ἐχόντας, ἡ τυραννίς), — но и тот, кто сам избрал свой жребий (τὸν προαἰρούμενον), и тот, кто подчинился тирании (τὸν τυραννοῦμενον), одинаково должны двигаться в том же направлении (л. 402).

Поклонник императорского всевластия, Антиох вместе с тем — сторонник синклита — совокупности высших гражданских чинов империи. В молодые годы он гордится расположением синклитиков (см. выше, прим. 30); не забывает сказать, что Катафлорон был членом синклита (л. 268); по его словам, логофету Айофеодориту отдал свое сердце император и весь синклит благоволил ему (л. 201об.).

Эти слова — не общие, пустые фразы. Как известно, первые Комнины с пренебрежением относились к синклитикам⁵⁸, и Зонара в XII в. писал, что синклит пришел в упадок (PG, t. 137, col. 488 C). Напротив, Андроник I, создавая иллюзию демократичного режима, постоянно апеллировал к синклиту: в синклите обсуждался вопрос о браке незаконной дочери Андроника (Nic. Chon., p. 338.5—7); в синклите император докладывал об отмене берегового права (Nic. Chon., p. 424.10); видного чиновника Льва Монастириота Андроник уважительно называл устами синклита (Nic. Chon., p. 406.19).

Таким образом, не одним своим служебным положением, но и взглядами Григорий Антиох принадлежал к той группировке господствующего класса Византии, которая тесно связала свою судьбу с централизованным бюрократическим государством и противилась тенденциям к феодальному развитию страны. Антиох вполне мог быть в числе лиц, поддержи-

⁵³ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 71. 316—326.

⁵⁴ W. Regel. Fontes. . . , f. 2, p. 190. 4—5.

⁵⁵ Ibid., p. 190. 8—10.

⁵⁶ M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 399. 3.

⁵⁷ W. Regel. Fontes. . . , f. 2, p. 184. 8—9.

⁵⁸ Zonaras. Epitomae, vol. III. Bonnae, 1897, p. 766. 17—19.

вавших режим Андроника I, хотя природная осторожность, по-видимому, заставила его в самый момент переворота сказаться больным и отлеживаться до поставления патриархом Василия Каматира (см. выше, стр. 83).

Как писатель Григорий Антиох воспитан на принципах классической средневековой литературы. В его представлении основная задача искусства — поучительность, и речи Евстафия Солунского он хвалит прежде всего за их дидактичность: они, по словам Антиоха, ведут прямым путем тех, кто двинется по их следам (л. 402 об.). Библейские цитаты и высказывания отцов церкви для Антиоха, как для большинства его современников, остаются высшим авторитетом и постоянным источником сравнений. Его язык изобилует штампами: так, в утешительном слове к логофету Айофеодориту и в монодии на смерть сына протосеваста встречаются до буквальности совпадающие образы. Одними и теми же словами описана в обоих сочинениях кончина тех, кто погибал в морских волнах или становился добычей диких зверей (л. 202 и л. 205 об.); одинаково выражена мысль, что покойник сменил уже мирские одежды на ангельские одеяния (л. 202 об. и л. 205 об.). Свежее, новое, индивидуальное выражение действительности не стало законом творчества Антиоха: подобно тому, как он вновь и вновь перемещает бесконечно знакомые библейские высказывания, расставляет он в различных комбинациях трафаретные и традиционные образы, расцвеченные столь же трафаретными и традиционными эпитетами⁵⁹.

Но иногда утомительное многословие оратора⁶⁰ внезапно прерывается живой картиной, и Антиох предстает перед нами внимательным наблюдателем, умеющим заметить смешное. Евстафию Солунскому Антиох рассказывает о трудностях далекого похода, где людям не хватало еды и питья. Даже хлеб здесь — испеченный из мякины и совершенно несъедобный. Мы едим его, смеется Антиох, словно булжники глотаем, испытывая муки Кроноса, которому супруга подсунула камень вместо ребенка. Хлеб застревает у нас во рту, обыгрывает Антиох ту же мысль, он — камень преткновения. И еще: «Так крепость нашего желудка бомбардируется камнями»⁶¹.

В более раннем письме тому же Евстафию Антиох живо и с заметным сарказмом описывает климат Болгарии и образ жизни ее обитателей⁶². Все в этой стране раздражает изысканный вкус заезжего византийца, но в живости наблюдений ему нельзя отказать. Ему кажется, что эта часть вселенной не знает ни лета, ни осени, ни весны, а одну только зиму — самое мучительное из времен года. Небо тут вечно затянуто облаками, постоянно льет дождь, словно оплакивая бесплодие этой земли. Жители одеты в овчину, а головы покрывают войлочными шапками. Они живут в крохотных хижинах с соломенными крышами, сложенных из тростника и хвороста. Здесь, восклицает Антиох, не ступала нога Деметры, сюда не приходил Дионис — нет поэтому в окрестностях Сердики ни плодовых деревьев, ни винограда. На дорогах не услаждают твой слух сладкоголосые птицы — и не удивительно: тут не встретишь ни рощ, где бы они могли щебетать, ни лугов, чтобы им расправить крылья, ни листвы, скрывающей их от ливня и жары.

Особенно издевается Антиох над болгарскими продуктами: хлеб тут из отрубей и проса, пропеченный только наполовину, недостаточно по-

⁵⁹ О стиле Антиоха см. M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 357 f.

⁶⁰ Оправдание многословия см. J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 72. 369—371.

⁶¹ J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 67. 90—130.

⁶² Ibid. [I], p. 278—280. Ср. описание Керкиры в письме Василия Педиадита (S. Lampros. Керκυραϊκὰ ἀνέκδοτα. Athenai, 1882, p. 48 sq.).

знакомившийся с огнем и вымазанный в золе (другой раз Антиох насмешливо заметил, что в Болгарии едят черный хлеб, годный только для траурного стола ⁶³); вино — кислое и враждебное желудку; копченая рыба — гнилая и заплесневевшая, а свежая ⁶⁴, пойманная в реках и озерах, — грязна и пропитана илом. Да и что вообще могут породить озерные воды, кроме лягушек и пиявок!

Несмотря на свое презрение ко всему болгарскому, Антиох не мог не заметить богатств этой страны, обилия в ней скота. Но как он рассказывает о скотоводстве! Твое ухо, иронизирует он, раздражает здесь то блянье овец, то крик коз, то мычание коров, то хрюканье поросят. Дешевизна молочных продуктов удивила его: целые бочки молока отдают в Сердикe за драхму, целые корзины сыра — за мелкую монету. И все-таки Антиох не в силах удержаться от язвительного замечания: от болгарского сыра пахнет козлом.

Пусть читатель простит мне затянувшийся пересказ письма Евстафию, но послание Антиоха по своей натуралистичности, по желчной и субъективной наблюдательности — уникальное в греческой литературе XII столетия.

В средневековом мышлении причудливо сочетается спиритуализм, дематериализация главнейших образов с натурализмом деталей, пренебрежение плотью с повышенным интересом к плоти. Натурализм Антиоха отнюдь не означает распада средневековой формы видения, он вырастает на средневековой почве.

Антиох не боится будничных, бытовых подробностей и часто пользуется ими для сравнений. И это не исключительное свойство Антиоха или вообще литературы XII в. Но Антиоха отличает раскрытие, распространение сравнения, превращение его из абстрактной вывески в самостоятельную картинку или серию картинок. Когда в монодии на смерть сына протосеаста писатель пользуется образом коня, давящего человека, словно виноград (л. 204 об.), он остается в полной мере в рамках традиционной эстетики: грубо-натуралистическая по существу сценка складывается из абстрактных элементов — конь, человек, виноград вообще. Но вот в одной из речей Антиох возвращается вновь к тому же образу: он сравнивает воина с работником на давиле — его конь копытами давит врага, забрызгивая седока кровью. Он сравнивает воина с рыбаком, остройгой поражающим рыб, дрожащих и извивающихся на острие. Он сравнивает воина с искусным птицеловом, который ловит по две и по три птицы на одну ивовую ветку, намазанную клеем ⁶⁵. Сравнение осложняется, приобретает самостоятельное бытие, материальную ощутимость.

О людях, не улавливающих сущности событий, Антиох говорит: они видят хлеб, но не видят того, что предшествует хлебу, — что земля первоначально рождала колючки и терния и потребовался немалый труд для ее расчистки, что ее вскапывали и пахали, засевали (*ἐσπαρται*) и боронили (*ἠράλακιστα*) ⁶⁶. Потом другие заботы, — чтобы звери острыми мордами не перевернули комья земли и не сожрали семена прежде, чем они прорастут. Дурная погода рождала новые волнения, а потом наступало время уборки ⁶⁷. . . Когда воспринимаешь мир в деталях, предметы оживают, становятся живыми существами. Что за фрукты в Болгарии, воз-

⁶³ J. Darrouzès. Deux lettres . . . [II], p. 65. 29—32.

⁶⁴ Греческое *νεαλή* (свежие) Даррузе ошибочно переводит *salés* (соленые) (*ibid.* [I], p. 283).

⁶⁵ W. Regel. *Fontes*. . . f. 2, p. 216. 20—217. 8.

⁶⁶ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 72. 338—343. Даррузе (*ibid.*, p. 85) неточно переводит это место: *pour recevoir ensuite les semences et les plants*.

⁶⁷ *Ibid.* [II], p. 72. 346—351.

мущается Антиох в письме Евстафию, — затвердевшие, больные, пожелтевшие, подобно пленникам! Яблоки сморщились в плетеных корзинах, груши побились и покрылись ссадинами, фиги — лишь сушеные, потерявшие за время долгого путешествия былую сладость, а от винограда, привезенного издалека, остались только кожица да косточки⁶⁸. В другом письме Евстафию он описывает растрескавшийся гранат: «В обнажившихся складках его, подобных устам, сверкал ряд окрашенных пурпуром зубов (т. е. косточек), и казалось, будто эти безгласные уста зовут отвесть плод. . .»⁶⁹.

Можно сослаться еще на одно письмо, отправленное тому же Евстафию, где Антиох жалуется на утомительный труд, на безумную усталость: он не успевает взяться вечером за чтение, как сон овладевает им и он засыпает, положив книгу то под локоть, то под щеку (л. 400 об.). Несчастная книга превращается в живое существо: она заброшена, ее покрывает плотный слой паутины и пыли, она мертвец, засыпанный прахом забвения, выброшенный из нашего сердца, ее надо освободить от ненужного облачения, разбудить, вызвать к жизни (л. 400).

Если плоды и книги Антиох представляет живыми, то животных он наделяет разумом. Рыбы, если верить Антиоху, насмеются над рыболовом: они то толкнут мордой леску, заставляя вздрогнуть руку удильщика, обманутого тщетной надеждой добыть улов; то заглывают весь крючок, а потом выплывают его⁷⁰. В письме Евстафию он говорит об упрямых лошадях, которые не желали тащить вьюк в горах: ни удары бича, ни ласки не действовали на них. Они только вставали на задние ноги и болтали передними в воздухе, словно собираясь взлететь. Лошадь, шутит Антиох, делит себя между землей и небом, воображая, будто она крылатый Пегас⁷¹.

Антиох, хотя и оставался в рамках средневековой системы видения мира, индивидуальностью восприятия нарушал традиционные принципы византийской риторики. Но вот что примечательно: он делал это крайне нечасто и главным образом в переписке с Евстафием Солунским. Евстафий — один из крупнейших писателей XII столетия, язвительный памфлетист и чуткий наблюдатель, и, обращаясь к нему, Антиох — невольно или сознательно — начинал перенимать манеру своего корреспондента. В других случаях он, как правило, сохранял традиционные эстетические штампы: не потому, что он не мог писать иначе, не потому, что не мог увидеть мир своими глазами, но прежде всего потому, что он, как мы видели, был человеком, который никак не собирался стать сокрушителем традиций. Он принадлежал старому и защищал его, причем он отнюдь не был героем реакции, и вся его жизнь (как и его творчество) оказывается памятником приспособления и компромисса.

Приложение I

ПИСЬМО ГРИГОРИЯ АНТИОХА ХАРТОФИЛАКУ

Э. л. 402
об.

Τῷ χαρτοφύλακι*

Ἐβουλόμεθα⁶ μὲν αὐτοπροσώπως τῇ ἀγίωσόνῃ σου ἐντυχεῖν καὶ τὴν παρούσαν θέσθαι αὐτῇ καὶ ἀξίωσιν καὶ παράκλησιν· ὅτι δὲ διὰ τὸ ἀπαραίτητον τῆς ἐπικειμένης ἡμῖν δουλείας οὐκ ἔσχομεν καὶ πέραс ἐπιθεῖναι τῷ τοιοῦτ[φ] βουλήματι, διὰ τῆς παρουσίας

⁶⁸ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [I], p. 279. 39—50.

⁶⁹ Ibid. [II], p. 66. 55—57.

⁷⁰ Michael Akominatos. Op. cit., II, p. 406. 1—5.

⁷¹ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [II], p. 70. 257—278.

γραφῆς ἀναπληροῦμεν ἡμῶν τὸ ὑστέρημα. Ἡ μοναχὴ γραῦς καὶ δούλη σου, ἡ πρὸς πατρὶ θεία μου, ἐπιτιμίῳ παρὰ τῆς ἀγιωσύνης σου δεσμοθεῖσα διὰ τὴν ἐπενεχθεῖσαν αὐτῇ // συκοφαντίαν παρὰ τινος ἀπαιδευτοῦ, σφοδρῶς δυσχεραίνει τὸ ἐπαχθές τοῦ δεσμοῦ· καὶ εἰ μὲν ἦν ἀποχὴ βρωτοῦ τίνος ἢ ποτοῦ, ἤλγει μὲν ἂν καὶ οὕτως, ἔφερε δ' οὖν ὅμως πάλαι πρὸς τοῦ μακροῦ γήρως ἀποστία ἢ καὶ ἀσιτία ἐνατενισθεῖσα^в. Ἐπεὶ δὲ τῶν ἱερῶν καὶ θείων περιβόλων ταύτην ἀπείργει τὸ ἐπιτίμιον, οὐκ ἔστι ὅπως καὶ οἶσει καὶ ταύτ[ης] ἐκ συκοφάντιδος γλώσσης καὶ ψελλιζούσης ἐξ ἐωλοκρασίας, ὡς τὰ πολλά. Εἴ τι οὖν καὶ ἡμῶν μέλει τῇ ἀγιωσύνη σου (πάντως δὲ μέλει, δι' ἣν ἔχει περὶ ἡμᾶς διάθεσιν ἐκ μακροῦ), ἐπεὶ καὶ ἀρκούντως ἔχει τῷ δεσμῷ παρακαθήμενον τὸ γραίδιον, λυθήτω, δυσωπῶ, διὰ τε τὸ γῆρας, διὰ τε τὸ ἀσθενές, ἵνα μὴ κατὰ τὴν προσελαύνουσαν μεγάλην δεσποτικὴν ἐορτὴν τοῦ ἱεροῦ τεμένου εἴσω που θυραυλῆσαν, διακρῶν ὄμβρους τοῦ βίου παρασυρῆ καὶ οἴχηται ἀπευκτῶς· πάντως δὲ μετὰ τὴν ἐορτὴν, εἰ βουλητὸν τῷ ἀντιδικοῦντι, ὅπερ οὐκ οἶμαι, παρὰ τῷ ἱερῷ τῆς ἀγιωσύνης σου δικαστηρίῳ τὰ τῆς ὑποθέσεως προτεθήσεται καὶ ἡ μοναχὴ ἐτοιμῶς ἀπαντήσῃ, ποιήσουσα τὸ προσταχθισόμενον.

^в На полях.

^б Darrouze (J. Darrouze s. Notice..., p. 71): ἐβουλόμην, но в рукописи от-четливо: ἐβουλόμ^{υδ}

^в Э: ἐνετισθεῖσα

Приложение II

ГРИГОРИЙ АНТИОХ ОБ ИСТОРИИ СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

Григорий Антиох несколько раз упоминает о событиях, связанных с историей северных областей Балканского полуострова.

1. В неизданном слове в честь Иоанна Крестителя, упомянув о Навуходоносоре-Андронике, Антиох переходит к другой беде, постигшей в ту пору Византию, — к мятежу Алексея Враны. Он был послан, повествует Антиох (л. 453), против братьев — западных беглых рабов (δούλοις ἐσπερίοις δραπέταις)¹; он обратил их в бегство (κατὰ τὸν δραζμόν ἐπιστρέψων), преследовал (ἐπιδιώξων) и сурово наказал, а затем сам (л. 453 об.) поднял восстание (ἀποστατέτ), подобно первому мятежнику — Сатане. Гордо закинув голову и вознесясь в своем воображении выше облаков, он водрузил там трон и противостоял высочайшему царю (βασιλεῖ ὑψίστῳ), утвердившему по всей земле (πάσης ἐπὶ γῆς) свою власть. Но господь низверг его оттуда в глубочайшую пропасть, которую он сам себе вырыл, и, поднявший меч на своих соплеменников (κατὰ συμφυλετῶν), он погиб от меча прежде остальных (πρὸ τῶν ἄλλων), показав себя и первым военачальником, и первым мертвецом.

Τοῖς δὲ φυγαδῖαις ἐκείνοις καὶ ἀποστάταις ἄνετοι τοῦ λοιποῦ πόδες, ὅποσα καὶ σάγρων πόδες ἀγριούμων, Ῥωμαῖδος ἀπέλου κατασκιρτῶντες καὶ συχρὸν συμπατοῦντες^в καὶ ἀποχρειοῦντες βότρυν αὐτῆς. Καὶ τὸ κατ' αὐτοὺς πρὸς ἀφηνισμὸν καχεκτοῦν ἐς τὸ τῶν ἀνιάτων κακώηδες ἀπηγριῶται. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τραῦμα τοῦτό φησιν

А у тех беглецов и мятежников ноги стали вольными, как ноги дышащих гневом кабанов, и они накиннулись на ромейский виноградник, часто топтали и портили лозы его. Их дурное неповиновение превращалось в неизлечимое зло. Это не назовешь раной, синяком или

¹ Византийские риторы XII в. часто говорят о болгарях как о западном народе. Τὸ δυτικὸν τοῦτο κακόν — называет Петра Иоанн Сиропул (M. B a s h m a n n. Die Rede des Johannes Syrogulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935, S. 17. 15). По словам Никиты Хониата, болгарское восстание охватило «наши западные земли» (τὴν ὑφ' ἡμᾶς ἐσπερίον γῆν) (C. S a t h a s. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. Venetia, 1872, p. 96. 29); после войны с болгарями Алексей III Ангел возвращается «из западных трудов» (Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs, II. Paris, 1881, p. 500 B).

ὁ λέγων, οὐ μῶλῳψ⁶, οὐ πλεγγή φλεγμαι-
νουσα, ὡς ἐκ τινος δὲ πρωτοπαθοῦς μέλους,
τῆς αὐτῶν πονηρᾶς ἀδελφικῆς ξυνωρίδος,
καὶ τοῦ φυλετικοῦ ταύτοις⁸ ἔθνους παντός
τὸ δεινὸν καθέρπει, ὅσα καὶ σώματος εὐ-
παθοῦς προὐχώρησεν εἰς ὀλομελές.

⁸ Ἐ: συμπαθοῦντες

⁶ Ἐ: οὐ μῶλῳψ οὐ μῶλῳψ

⁸ Даррузе: ταύτου

воспаленным шрамом, так как от первого зараженного члена, от этой упряжки дурных братьев, болезнь распространилась на все родственное им племя, словно на легко восприимчивое тело.

В самом конце речи Антиох просит Иоанна Крестителя даровать императору победу над болгарами (κατὰ Μουσῶν) и возвратить в рабство этот народ, издавно пребывавший в рабстве (ἔθνος τοῦτο ἀρχεδουλον), поклявшийся быть в повиновении еще тому государю, который прежде поработил его (τὴν δουλογραφίαν κακείνῳ φθάνει τῷ πρὶν ἐξανδραποδισαμένῳ διомοσάμενος βασιλεῖ); он молит замкнуть их уста, дерзнувшие кричать о свободе (ἐλευθεροῦν θρασυνόμενα).

Уже Даррузе, впервые обративший внимание на этот пассаж, отметил, что Антиох имеет в виду восстание Петра и Асеня². Мятеж Враны Даррузе безоговорочно датировал 1187 г., не упомянув о работе И. Дуйчева, отнесшего это событие к 1186 г.³ Хотя хронология Дуйчева вызвала в последнее время некоторые сомнения⁴, ни один из его критиков не смог без оговорок вернуться к старой дате (1187 г.), теперь возрождаемой Даррузе.

2. В речи Антиоха к Исааку II Ангелу упомянуты два события, которые по другим источникам неизвестны: смерть матери Исаака II Евфросинии и поход императора на Эпидамн (Диррахий).

Упрочив положение на западе и на востоке, так повествует Антиох, император двинулся против Эпидамна. Рыскавшие кругом лютые волки (Деян., 20, 29) зарились на город, а его правитель оказался ложным пастырем, беглым наемником (Иоанн, 10, 12): он оставил Эпидамн в поисках спокойного местечка и позволил жадным зверям ворваться в город. Тогда император сам двинулся против неприятеля, осадил Эпидамн, и под угрозой голодной смерти враги были вынуждены отворить ромеям ворота⁵.

Кто эти лютые волки, о которых говорит Антиох? Бахман считал их норманнами, которые, действительно, овладели Диррахием в 1185 г.⁶ Однако подобное отождествление наталкивается на ряд трудностей. Набег норманнов произошел в правление Андроника I, и Антиох непременно упомянул бы об этом обстоятельстве, если бы имел в виду вторжение 1185 г., как это сделал, например, Михаил Хониат⁷. Правда, Бахман, исходя из эпитетов «тиран» и «убийца овец», предлагает видеть в беглом пастыре Андроника, но Антиох скорее говорит о правителе города, покидающем опасное место, нежели о государе.

Далее, при взятии Диррахия норманнами его комендант Иоанн Врана попал в плен (Nic. Chron., p. 411.14—15), а отнюдь не высказал себя трусом, ищущим спокойного местечка. Разгром норманнов произошел в самом

² J. Darrouzès. Notice. . . , p. 72 sq.

³ И. Дуйчев. Встание в 1185 г. и неговата хронология. ИИБИ, 6, 1956.

⁴ См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 439, прим. 29 и мои дополнения: КСИС, 37, 1963, стр. 99, прим. 8, а особенно рецензию М. Войнова на статью Дуйчева (ИП, 1962, № 4, стр. 104—111).

⁵ W. Regel. Fontes. . . , f. 2, p. 300. 15—301. 22. Даррузе несколько неточно излагает содержание речи: по его мнению, там рассказывается о сдаче города взбунтовавшимся правителем (par son chef revoltè) (J. Darrouzès. Notice. . . , p. 67).

⁶ M. Bachmann. Die Rede des Johannes Syropoulos. . . , S. 53 f.

⁷ Michael Akominatos. Op. cit., I, p. 210. 21—22.

начале царствования Исаака II, после чего они добровольно (ἐκόντως) оставили Диррахий (Nis. Chron., p. 472. 15), тогда как Антиох рисует совершенно иную картину: император отправляется в поход по прошествии известного времени, когда ему уже удалось, по выражению риторика, привести в порядок дела на западе и на востоке; он овладевает городом после упорной осады.

Наконец, Антиох говорит о волках, постоянно окружающих (κυκλόθεν ἀεὶ περιχάσκοντες) «наше богоспасаемое стадо», а не о вторгшемся из-за моря неприятеле, которого византийские риторы обыкновенно именовали сицилийской Харибдой или Тифоном.

Остается предположить, что «лютые волки», захватившие Диррахий, это какой-либо из народов, населявших север Балканского полуострова. Как известно, в 1189—1190 г. Стефан Неманя значительно расширил сербскую территорию, заняв район Стримона и верховья Вардара⁸. Нельзя ли допустить, что в это же время сербы овладели Диррахием? В таком случае поход Исаака II на Диррахий можно было бы связывать с его контрнаступлением на сербов в 1191 г. после III крестового похода.

3. Григорий Антиох посетил Сердику и прислал оттуда письмо Евстафию с насмешливым описанием Болгарии (см. выше, стр. 92 и сл.). Впрочем, в следующем письме Антиох признает свои нападки чрезмерными: оказывается, он мечтал найти в Сердики сибаритскую роскошь, но, не обнаружив ломящихся от припасов столов, стал порицать кормившую его страну. Теперь же, вспоминая минувшее, он готов признать район Сердики землей блаженных⁹.

Из этого письма мы узнаем, что Антиох участвует в походе, направляясь к чужой (ἀλλοδαπὴν καὶ ὑπερορίαν) стране. Положение отряда все ухудшается, трудности все возрастают, и Антиох пишет уже не чернилами, а слезами. Воды не хватает, ибо кругом безводные пустыни (ἐρήμας ἀνίχτρος). По горным кручам (τραχεῖνοῖς χωρίοις... καὶ ἀποκρήμνοις) лошади отказываются тащить вьюки¹⁰.

По этим неопределенным замечаниям нелегко определить, куда двинулся Антиох из Сердики; скорее всего, горные области, лишенные воды, это Динарские карстовые нагорья, где на значительных участках можно не встретить поверхностных вод.

Уже Даррузе обратил внимание на другое письмо Антиоха, переключаясь с только что рассмотренным посланием Евстафию¹¹. Обращаясь к какому-то высокому начальнику, Антиох жалуется, что у него нет продуктов, необходимых для столь длительного пути. Подобная дорога, продолжает он, требует меднозадых коней — и для вьюков, и для всадников — или от головы до копыт выкованных из железа, или вырезанных из адманта, или крылатых Пегасов (он пользуется тем же мифологическим образом, что и в письме Евстафию). Но те лошади, что везли спутников Антиоха из Константинополя до этих мест, вымотались и изголодались — они пренебрегают кнутом и шпорами. Люди вынуждены идти пешком вслед за усталыми лошадьми. «Конечно, — заявляет Антиох, — если моему господину угодно, я охотно сделаю весь путь пешком». Он готов идти вместе со своим господином до первых истоков Истра, пере-

⁸ M. Paulová. Účast Srbů při třetí výpravě křížové. BS, 5, 1933—1934, str. 292, 301.

⁹ J. Darrouzès. Deux lettres... [II], p. 66. 70—79.

¹⁰ Ibid. [II], p. 65—73. См. также Г. Цанкова, П. Тивчев. Нови данни за историята на Софийската област през последните десетилетия на византийското владичество. ИИБИ, 14—15, 1964, стр. 315—324.

¹¹ J. Darrouzès. Notice... , p. 67.

прыгивать через ущелья на пути, перелетать через рвы и пропасти, всходить на горы (см. Приложение III).

Если это письмо относится к тому же походу, что и описанный в посланиях к Евстафию, то маршрут отряда Антиоха в общих чертах вырисовывается: от Сердики византийцы двинулись в сербские земли и должны были выйти к Дунаю.

Даррузе датировал болгарские письма Антиоха «примерно 1173 г.» Эту дату он даже включил в заголовок статьи. Однако предложенная французским ученым хронология не представляется столь бесспорной.

Даррузе исходил из того, что письма были отправлены в то время, когда Евстафий жил в столице и занимал пост магистра риторов; по мнению Даррузе, Евстафий стал магистром риторов незадолго до 1174 г., а в 1174—1175 гг. он уже был поставлен митрополитом. К тому же после 1167 г. на севере Балкан не было военных действий, если не считать конфликта с Венгрией и Сербией в 1173 г.¹²

Рассуждения Даррузе при всей их внешней стройности не выдерживают проверки. Он сам обратил внимание на то, что Антиох не упоминает о присутствии императора, хотя в 1173 г. Мануил I как раз находился в Сердики (в этом году он принимал капитуляцию Стефана Немани). Далее, Евстафий стал магистром риторов задолго до 1174 г., скорее всего еще в конце 60-х годов (см. выше, стр. 80). Наконец, титул письма Антиоха гласит: «Бывшему (τῷ γεγονότι) магистру риторов господину Евстафию Солунскому из Сердики (ἀπὸ Τριαδίτζης)». Если следовать этому титулу, письмо придется относить к тому времени, когда Антиох уже перестал быть магистром риторов и сделался солунским митрополитом. Правда, Антиох посылает свое письмо в Константинополь, но это обстоятельство не должно нас смущать: ведь Евстафий не раз бывал в столице после 1174—1175 гг., и еще в 1179 г. он произносил здесь речь на прибытие Агнесы, невесты наследника престола Алексея¹³, а может быть даже он жил в Константинополе до 1179 г., — но хронология жизни Евстафия нуждается в специальном рассмотрении.

Поэтому более осторожным было бы воздержаться от датировки болгарских писем Антиоха.

Даррузе отнес к тому же времени и письмо Евстафия Антиоху¹⁴. Действительно, оно адресовано человеку, находящемуся вдалеке от родины¹⁵, но этого, мне кажется, еще маловато для отождествления.

Приложение III

ПИСЬМО ГРИГОРИЯ АНТИОХА [НАЧАЛЬНИКУ]

9. л. 273
об.

Τοῦ αὐτοῦ

Ἐπιστολή

Αἰδῶς δ' οὐκ ἀγαθὴ κεχρημένον ἄνδρα κομίζει^α. τοῦτο πάλαι μὲν φθάνει γνωματεύσας ὁ μουσοληπτος ποιητής. Οἶσθα τὸν Ἀσκραῖον; οὐκ ἀγνοεῖς^β τὸν Ἡσίοδον; Ἐγὼ δὲ νῦν ἐκ τῶν ἔργων ἠκριβωσάμην, αὐτὴν εὐρὼν τὴν πείραν τὴν διδάσκαλον. Ἐπεὶ γὰρ ἄκαιρος εἰδήμων ἐγὼ καὶ τοῖς οὐκ ἀξίοις αἰδοῦς ἐπαισχύνομαι (οὐκ οἶδ', ὅπόθεν τοῦτο λαχών), πείθομαι δὲ ἀπὸ φύσεως, οὐ κεχρημένος μόνον, ἀλλὰ καὶ βαρὺ σφόδρα λελυπημένος κομίζομαι· κεχρημένος μὲν, ὅτι τῶν πρὸς τὴν μακρὰν ταύτην ὁδοιπορίαν

¹² J. Darrouzès. Notice. . . , p. 75 sq.; idem. Deux lettres. . . , [I], p. 276—278. Ср. мои возражения: ВИ, 1964, № 3, стр. 214 и сл.

¹³ W. Regel. Fontes. . . , f. 1, p. XIV sq.

¹⁴ J. Darrouzès. Deux lettres. . . [I], p. 277.

¹⁵ Eustathii Opuscula, p. 324. 14.

χρήζων ἐπιτηδείων, εἶτα οὐκ ἐῷμαι^β πρὸς τῆς κάκιστ' ἀπολουμένης αἰδοῦς εἰς τὸ σὸν ὕψος ἀνατεῖναι περὶ τούτων τὴν αἴτησιν· λελυπημένος δέ, ὅτι ἐπὶ σφετέρῳ κακῷ τὴν οὐκ ἀγαθὴν αἰδῶ ταύτην ἔλαχον σύνοικον. Καὶ οὐκ οὐκ ἐπ' οὐδενί μοι ξυμφέροντι τὸ ἐρυθριᾶν ἐπανθεῖ· ὅμως ἐπεὶ τῶν οὐκ ἐπαινουμένων ἔστι μοι τὸ αἰδοῦμενον, ἀπαναιδευτέον^γ ἔνθα τὸ ἀναιδὲς ἀνεπίληπτον, καὶ οὐδὲ τοῦτ' αὐτὸ ἀναιδέες, ἀλλ' ἀναγκαῖα τις ἐξ ἀπαραιτήτου παρρησία ψυχῆς, καὶ ἀπερυθριαστέον ἔνθα τὸ ἀκαίρως ἐρυθριᾶν μωμητόν· καὶ οὐδὲ τοῦτ' ἐκεῖνο ἐρυθριᾶν ἔστιν, ἀλλὰ τι ἐλάττωμα φυσικὸν ἐν ἀπαρρησιάζῳ διατιθέν ἀεὶ τὸν αἰσχυνητόν. Ἄλλ' ὑπέρφου τοῦ πάθους· ὡς ἀκαταγώνιστον, ὡς ἀήττητον^δ, ὃ γὰρ φεύγω, μεταδιώκω, καὶ οὐ καταδρομῆν ποιῶμαι, τοῦθ' ὑποστρέψαν ὡσπερ καταλαμβάνει με, καὶ πρὸς ὅπερ ἀπεχθῶς ἔχω, σπένδομαι.

Δέον γάρ με τῇ γλώσῃ χρησασθαι πρὸς τὴν αἴτησιν, τὴν οὐκ ἀγαθὴν αἰδῶ παρωσάμενον· ἐγὼ δὲ ἀλλὰ καὶ αὐτὸν πάλιν εὐλαβοῦμαι τὸ πρᾶγμα καὶ τὴν ἐγχείρησιν ἀναδύομαι, καὶ καινοτόμος^ε ὀρώμαι, καὶ τῇ χειρὶ φθέργομαι, καὶ δακτύλοις χρώμαι, ὅσα καὶ ὄργανοις φωνῆς, ὡς ὑπὸ παραπετάσματι τῷ τῆς γραφῆς ἑδαφίῳ καλύπτων γνώμην ὁμοῦ καὶ γλωτταν αἰδήμονα.

Καὶ δὴ καὶ φημι ὅτι τοι περὶ^ς τὴν προκειμένην ταύτην ὁδὸν χαλκοπύγων ἔδει καὶ τῶν ἵππων ἡμῖν, τῶν τε φορτηγῶν καὶ τῶν ἵππασίμων, οἷους ἄρα καὶ τεθρύλληκεν Ὀμηρος^β, ἢ μᾶλλον ἀπὸ σιδήρου σφυρηλάτων ἐκ κεφαλῆς ἐς λείσθας ὀπλάς· καὶ ὄλων λαξευτῶν ἐξ ἀδάμαντος, ἢ ἄλλων Πηγᾶσων τὰ νῶτα καταπτέρων, ὡς ὁ μῦθος περὶθρεύεται· οὕτω γὰρ ἂν καὶ τοσαύτης ὁδοῦ ἀπέχρησαν διαστῆματι, κἂν ἀμῆπτες πάντη διέμειναν, ὡς οἱ γε ἀπὸ τῆς Βύζαντος ἡμᾶς ὠδὲ πη διασφασάμενοι κεκμήκασιν, ἀπειρήκασιν, βουλιμιῶσιν, ἐπισειομένην αὐτοῖς περιφρονοῦσι τῷ^φ μᾶστιγα, οὐκ ἐπιστρέφονται κέντρων (λ. 274) πληττόντων ἑκατέρας πλευράς· τοιγάρ καὶ πεξεύειν^μ ἀναγκάζομεθα καὶ ἀποκεχρησθαι τοῖς φυσικοῖς ὀχήμασι τῶν ποδῶν, καὶ τῶν κεκμηκότων ἵππων ἰεναὶ κατόπιν, ὃ δὴ ποιούντας καὶ τοὺς ὀνηλάτας ἔστιν ἰδεῖν. Εἰ οὖν τοῦτο δοκοῖη καὶ τῷ κυρίῳ μου, στέργω καὶ οἶσω διανών τὴν ὁδὸν αὐτοποδητί^κ, ἀναλωσάμενος ἐς γόνυ θοιμάτιμον· ἢ μᾶλλον ἀναβαίνοντός σου τὸν ταχὺν ἵππον ἢ τὴν δρομάδα ἡμίονον, τοῖς τῆς σῆς ἐφεστρίδος τελαμῶσι συρράφομαι^ι καὶ τινι τούτων τὴν ἑτέραν ἐπιβαλὼν ταῖν χερσῶν^λ, ὡσπερ τι τῶν φαυλοτέρων ἀνδράποδον, ἄσμενος ἔφομαι σοι πεζῇ καὶ ἐς αὐτάς που τὰς πρώτας τοῦ Ἰστρου ἐκβολὰς καὶ πηγὰς, καὶ ὑπερπηδήσω μὲν τὰς μεταξὺ τῆς ὁδοῦ χαράδρας, ὑπεραλοῦμαι δὲ αὐτορούκτους τάφρους καὶ χάσματα, ἀναρριχῆσομαι δὲ περὶ τοὺς βουνούς καὶ τῷ ἄναντα προσεπιβήσομαι, ῥίψω δεῖσαν καὶ καθ' ὕδάτων καὶ τελεμάτων κατατολήσω καὶ τεναγῶν, καὶ πάντων δρᾶσω προθύμως, ὅποσα καὶ τοῖς ἀλωνήταις δραπετίσχοις ὁ τῆς δουλείας ἐπιτρέπει θεσμός.

^α Г е с и о θ. Труды и дни, стр. 317.

^β Новосадский: ἄγνοις

^γ Новосадский: ἰῶμαι?

^δ Новосадский: ἀπαναιδευτέρον

^ε Э: ἀήττητον

^ς Может быть, κεινοτόμος

^φ Может быть, πρὸς

^μ Не знаю, где

^κ Новосадский: πλεξεύειν

^λ Новосадский: αὐτοποδοῖ

^ι Новосадский: συγγράφομαι

^λ Новосадский: χερσῶν